

Людмила
ПЕТРАНОВСКАЯ

Как научить учиться?

**6 класс
пришёл
приёмный
ребёнок**

**ПРИЁМНЫЙ
РЕБЁНОК
В СЕМЬЕ**

Близкие люди

Людмила Петрановская

**В класс пришел
приемный ребенок**

«АСТ»

2017

УДК 373.3-058.865
ББК 74.200

Петрановская Л. В.

В класс пришел приемный ребенок / Л. В. Петрановская —
«АСТ», 2017 — (Близкие люди)

ISBN 978-5-17-099278-2

«У нас проблемы в школе!» – едва ли не самая распространенная жалоба приемных родителей. Как это ни грустно, но нередко именно из-за этих трудностей и неуспеваемости и появляются отказники. Придя в новую школу, приемному ребенку трудно адаптироваться, а детям и учителям побороть возникающие, как следствие, недовольство и смятение. Книга «В класс пришел приемный ребенок» адресована школьным учителям, педагогам специального образования и тем, кто решился на очень важный и трудный шаг – усыновить ребенка. Она поможет найти подход к агрессивному настроенному школьнику и разобраться в истинных причинах недопонимания, ведь агрессия зачастую является результатом скрытых душевных ран. В издании также содержится много советов простым родителям, сталкивающимся с трудностями в общении с детьми.

УДК 373.3-058.865
ББК 74.200

ISBN 978-5-17-099278-2

© Петрановская Л. В., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие к серии	6
Вступление	7
Неизвестные дети	9
Осторожно: мифы!	9
Первые встречи – последние встречи	12
Почему он такой?	15
Один и не дома: эмоциональная депривация	16
Как трава при дороге: пренебрежение	20
Кошмар наяву: жестокое обращение	26
Рухнувший мир: потеря родителей	30
Казенный дом: институциональное воспитание	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Петрановская

В класс пришел приемный ребенок

© Л. Петрановская

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие к серии

Дорогие друзья!

Я очень рада представить вам серию книг, посвященных приемным детям и приемным родителям.

Недавно исполнилось 15 лет с тех пор, как я начала работать в этой теме. За эти годы профессиональная жизнь свела меня, наверное, с тысячами семей и детей, которые поражали меня своим мужеством, готовностью любить и принимать, своей волей к жизни. Я очень рада, что узнала всех этих людей, слушала их истории, разделяла из чувства, радовалась их достижениям. Так здорово, что удалось кому-то из них помочь, поддержать на их нелегком пути.

Так приятно иногда встретить старых знакомых в реале или в сети, или услышать по телефону: «Хочу вам похвастаться: у моей дочери завтра выпускной. Она такая умница», «У сына скоро свадьба. Можете себе представить?», «Ой, а мы ждем внука. Уже скоро!». И я вспоминаю девочку, которая в 11 лет читала по слогам и отчаянно рыдала над каждым примером, повторяя, что она тупая. Мальчика, который говорил, что не собирается никого никогда больше любить вообще совсем. Их родителей, порой настолько уставших и отчаявшихся, что хотелось их не консультировать, а чаем отпаивать.

Все книги в этой серии – результат наших встреч. За всеми примерами и историями стоят реальные дети и семьи. Какие-то из книг давно известны среди приемных родителей и специалистов. Какие-то будут сильно изменены или написаны заново. Мне хотелось, чтобы они помогли всем, кто растит или просто сталкивается в жизни с детьми, потерявшими семью, лучше их понимать и лучше им помогать. А заодно лучше понимать и всех остальных детей, и самих себя.

Я благодарна своим коллегам из знаменитого 19 детского дома, которые 15 лет назад пригласили меня работать с приемными родителями, ввели меня в тему и дали пример настоящей помогающей позиции – уважительной, бережной, профессиональной.

Я благодарна всем коллегам, которые работали все эти годы и работают сегодня со мной рядом, давая поддержку, без которой невозможно было бы выдержать соприкосновение с очень грустными сторонами жизни.

Я благодарна рано ушедшей из жизни Ольге Суворовой, вдохновителю и организатору первых изданий многих из этих книг.

Я благодарна издательству АСТ, которое взяло на себя издание этой серии, понимая, что это скорее социальный, чем коммерческий проект.

Я благодарна своей маме и всем своим взрослым, благодаря которым я всегда хорошо понимала и чувствовала, чего лишается ребенок, теряя семью.

Я благодарна своей семье, которая с таким пониманием и терпением всегда относилась к моей работе, в которую я вкладывалась, иногда чем-то обделяя близких. Все эти годы они не уставали поддерживать и восстанавливать меня в особенно сложные дни.

И, конечно, прежде всего я благодарна приемным родителям – за то, что доверяли, за их честность, смелость, теплоту.

Спасибо!

Людмила Петрановская

Вступление

Дорогие коллеги!

Могу обратиться к вам так, потому что десять лет назад я сама была школьным учителем. Так же, как и вы, приходила в класс и встречала там разных ребят: симпатичных и не очень, способных и трудных, радующих и мешающих. Потом получила второе образование и начала работать семейным психологом. Эта новая профессиональная тропа привела меня в интересную и сложную сферу семейного устройства детей из детского дома. Почти семь лет я проработала в московском детском доме № 19. Это необычный детский дом. Его главная задача – устраивать детей в семьи, чтобы у них был свой дом, родители и нормальное детство. Мы вместе с коллегами искали будущих патронатных воспитателей, готовили их, а потом помогали и поддерживали в деле воспитания ребенка.

Когда приемным родителям было трудно, они приходили на консультацию к психологу. Едва ли не самая частая жалоба звучала так: «У нас проблемы в школе!». Реже – с ребятами, чаще – с учителями. Вот лишь несколько таких родительских рассказов.

Мама мальчика 8 лет, в семье два с половиной года:

У нас все было так хорошо, пока не началась школа. Я просто не знаю, что делать. Он пошел в школу на год позже, и мы готовились, но все равно ему очень тяжело. Даже не объяснишь, что именно тяжело – любой пустяк. Стихотворение выучить. Задание записать. Ответить внятно. Он никакой к вечеру, несчастный, раздраженный. А ведь мы радовались, как он расцвел в семье, окреп, не болел совсем! Теперь любой вирус – наш. Пропускает школу, потом еще труднее... А ведь это только первый класс. Господи, что же дальше будет?

Мама девочки 13 лет, в семье несколько месяцев:

Представляет, она мне говорит: «Отдайте меня обратно! Вы хорошие, я вас люблю, но я очень устала, просто не могу больше, слишком много всего». И ведь оценки неплохие, вроде и подружка появилась, с нашими детьми отношения хорошие... Но на ней лица нет. Нервничает из-за уроков, боится что-то сделать не так. Иногда просто сядет и плачет тихо: устала, говорит, хочу в детский дом, там все просто было.

Родители мальчика 9 лет, в семье шесть лет:

Его выживают из школы... Просто выталкивают, как занозу из пальца... Мы понимаем, он шутливый и невнимательный, но он же не плохой ребенок, он добрый, ласковый! Зачем же с такой ненавистью о нем говорить? Все в школе сплотилось против нас, разговаривают как с врагами. Мы уже боимся ходить на родительские собрания, в пору жребий тянуть...

Папа девочки 11 лет, в семье два года:

Понимаете, она выглядит со стороны как нахалка: шуточки идиотские, уроки срывает, ее ругают – она улыбается. Учителя прямо в ярость впадают. Не знают, чего ждать от нее. Я-то знаю, что это у нее от неуверенности жуткой. Она убеждена, что хуже всех, и пока мы с этим ничего не смогли поделать. Вот и клоунствует... Дали ей недавно грамоту за конкурс рисунков – заплакала и убежала, искали по всей школе.

Мама мальчика 7 лет, в семье полтора года:

Просто не понимаю, что я-то могу сделать? Дома он обычно слушается. А если не слушается, я как-то с этим справляюсь. Я ведь не звоню учительнице: сделайте что-

нибудь. А она пишет: примите меры, чтобы он не вставал с места на уроке. Какие я приму меры? К стулу его приклею? Или с работы уйду, чтобы с ним за партой сидеть? Никакой помощи, одни претензии...

Подобных рассказов в моей практике было множество. На бумаге не передашь главного – чувств, с которыми все это говорилось... Слез, нервно сжатых рук, звенящего голоса, взгляда отчаянного, почти затравленного... А ведь это очень хорошие родители. Они стараются приемных детей понять, они **за них**. Есть ведь и другие, которые в подобной ситуации скажут: «Зачем мне ребенок, который даже учиться нормально не может? Чтобы я каждый день за него краснел? Если не понимает по-человечески, пусть идет, откуда пришел!». К сожалению, в детских домах немало детей, которые потеряли семью второй раз именно из-за проблем со школой. Не хотели делать уроки, прогуливали, «плохо влияли на других», «были неуправляемы», «не желали ничего понимать». Только подумайте: раньше дети теряли семью из-за войны, из-за эпидемий или катастроф. А теперь – из-за школы...

Поскольку не так давно я сама работала в школе, за жалобами родителей легко угадываю другие монологи, наверное, не менее эмоциональные. «С тех пор, как он появился в классе, я просто не могу работать. Не понимаю, что ему надо. Он как будто не слышит меня. Много лет работаю, всякое видала, но тут чувствую себя бессильной... Ребята в классе его невзлюбили. Родительский комитет возмущается, что он мешает детям нормально учиться. И их можно понять, ведь они за своих детей болеют. А родители приемные носятся с ним, как с писаной торбой, и всему находят оправдания: «Он устает, он не привык». А у меня их, между прочим, тридцать четыре, и что – я должна остальных бросить и только с ним нянчиться?»

Приемный ребенок – он и вправду непростой, особенно если в семье недавно. Он может не знать элементарных вещей, не умеет себя вести, у него настроение скачет: то бесится, то плачет, или все это сразу. А в классе действительно много детей, и у педагога – учебный план, а главное – не поймешь, с какой стороны к этому особому ребенку подступиться, как найти с ним общий язык. Этому в педвузах не учили, об этом непонятно, у кого спросить, где почитать. Потому что долгое время детей, оставшихся без родителей, держали в казенных домах за высоким забором. И мы просто не знаем, как себя вести с ними.

К счастью, в последние годы общество вспомнило, что эти дети есть, что их детство проходит в казенном доме – проходит мимо, потому что без родителей – что за детство? Постепенно все больше людей понимают: ребенок должен жить в семье. Появляется больше желающих взять ребенка из детского дома. Но в какой мир он придет? Как его встретят? Не придется ли ему пожалеть о том, что выбрался из-за забора? Это зависит от всех нас, и особенно от тех, с кем ребенок проводит значительную часть жизни – от школьных учителей.

Вот поэтому я и написала эту книгу. Потому что хорошо представляю себе, каково вам, учителям, и каково приемным детям и их родителям. Я хочу, чтобы вы больше узнали о приемных семьях и приемных детях. Хочу, чтобы вам было легче с ними, а им – с вами. Чтобы вы могли не враждовать и обижаться, а сотрудничать. Чтобы приемный ребенок был действительно принят – не только новой семьей, но и миром.

Людмила Петрановская

Неизвестные дети

Осторожно: мифы!

Как вы узнали о том, что новенький в классе – приемный, бывший детдомовец, сирота? Возможно, вас предупредил директор или классный руководитель. Может быть, вы сами поняли это по документам, или вам сказала приемная мама, может быть, сотрудник службы семейного устройства. Что вы почувствовали: тревогу? жалость? любопытство? неприязнь? Какие ассоциации промелькнули в голове: «ужасные гены»? «бедная сиротка»? «инкубаторский»? Или все сразу? Смятение – вот, наверное, самое точное слово. Смятение мы чувствуем, когда сталкиваемся с тем, о чем мало знаем, к чему не готовы, но от чего не можем просто отмахнуться.

Так сложилось, что тема детей из детского дома в нашем обществе долго была под запретом. В обществе развитого социализма несчастных детей, детей-сирот не должно быть по определению (так же, как их пьющих родителей). Поскольку они все же были, их содержали в резервациях – детских домах и интернатах, где были свои школы, врачи, детские площадки. Поэтому среднестатистический человек мог за всю жизнь ни разу не увидеть детдомовского ребенка.

Представление большинства людей о таких детях сводится к набору мифов, слухов и сентиментальных сюжетов из фильмов, а их на эту тему много. Ведь ничто так не трогает сердца людей, как образ одинокого, потерянного ребенка, после долгих мытарств вновь обретшего семейный уют и любовь родителей. Одних романов на этот сюжет тысячи, а уж сколько «чернушных» или, наоборот, слезных газетных статей и рассказов «одной знакомой» – не сосчитать. Очень трудно бывает пробраться сквозь весь этот бурелом к сути дела. Вот только два образа сироты, сложившихся в массовом сознании.

«Оливер Твист». *Согласно канону сентиментальной литературы, ребенок-сирота – сам по себе очень хороший (разве что немного чумазый). Добрый, тонкий, честный, готовый всем сердцем полюбить того взрослого, который позаботится о нем. Хранимый благословением матери (вариант: благородным происхождением), он чудесным образом выносит из опыта сплошных обид и притеснений высокие помыслы и твердые моральные устои. Все, что нужно этому ребенку – чтобы на его пути встретился наконец добрый человек, умыл, научил манерам и отдал в школу. А уж сирота будет благодарен и оправдает доверие. В конце окажется, что эти добрые люди и есть его настоящие родственники и ребенка просто потеряли (украли) в детстве. Так что он даже и не приемный, а «законный».*

Очень трогательно. Жаль, на самом деле так не бывает – чтобы ребенок ничего хорошего не получил от жизни, а стал хорошим. Если он хороший, – значит, его прошлое не столь безрадостно, либо в настоящем (в новой семье) он уже получил достаточно любви и помощи.

«Франкенштейн». *Прямо противоположный образ: ребенок, взятый в семью, – пригретая на груди змея. Этот «неправильным образом полученный» ребенок в некотором смысле оборотень. Что ни делай, как хорошо к нему ни относиться – толку не будет: «Сколько волка ни корми, он в лес смотрит». Он будет всех ненавидеть и всегда мстить за свою несчастную судьбу: «Когда ласкали вы детей своих, я есть просил, я замерзал...», далее по тексту. Такой ребенок станет пользоваться добротой и лаской приемных родителей – святым людей, пожалевших сироту, а потом вырастет и коварно обманет их, начнет вымо-*

гать деньги, наведет банду на их квартиру, а то и их самих «закажет» киллеру ради наследства. И уж точно не подаст стакан воды (разве что с ядом).

Очень страшно. Самое печальное: так в жизни иногда бывает, хотя совсем по другим причинам, о которых мы поговорим в следующей главе.

Конечно, я намеренно привела эти полярные стереотипы в таком утрированном виде. Но можно ли поручиться, что от них свободно сознание даже самого образованного, широко мыслящего человека? Мифы только тогда бывают устойчивыми, когда отвечают внутреннему запросу людей¹.

На досознательном, животном уровне всем нам присуще чувство страха перед чужим, не принадлежащим к семье (прайду, стае). Кто знает, что от чужого ожидать... Скорее всего, ничего хорошего. Возможно, он конкурент – претендует на еду, территорию. Может быть, это хищник, который нападет неожиданно. Или просто опасен – ядовит, например. Лучше его прогнать поскорее или самим убежать. Очень многое в нашем отношении к «чужим» детям, детям «из-за забора», из другой, неблагополучной жизни определяется именно этой глубинной программой. (Неприятие чужого можно увидеть даже в сентиментальном мифе про «бедную сиротку». Сама по себе жалость есть отношение к существу низшему, ущербному, неравному. Не случайно в романах и сериалах сиротка обычно в конце концов оказывается родным ребенком, когда-то потерянным. Так это противоречие благополучно разрешается, и всем становится спокойнее.)

Дело осложняется тем, что на сознательном уровне у нас тоже есть основания для неприятия чужого. В наше время дети оказываются одинокими не по воле злого рока, а по причине алкоголизма, жестокости, безответственности их пап и мам. То есть эти дети – еще и представители иного социального слоя, где другие нормы поведения, другие ценности, другие отношения. Как говорится, «два мира, два образа жизни». Люди «не нашей среды» воспринимаются не просто как «другие», а как «неправильные», «неприятные», «неразвитые», «аморальные». Если называть вещи своими именами, как существа низшего сорта. Человек воспитанный, конечно, старается эти чувства не проявлять, но глубоко внутри они есть почти у каждого.

Все это заложено на уровне генетической и социальной программ, и винить здесь себя совершенно не за что. Вопрос в том, что с этими программами делать. Потому что они, к сожалению, далеко не безобидны. Именно они заставляют нас, общаясь с ребенком из детского дома, внутренне отвергать его, не принимать, а то и бояться. Ничего хуже для ребенка придумать нельзя, а уж для ребенка-сироты – тем более. Ему нужны от взрослых любовь и уверенность, подобно тому, как растению нужны солнечные лучи и хорошая почва.

Любые отношения – это сцепление чувств людей, их действий, слов, жестов, которые подогнаны друг к другу, как детали в пазле. «Каков привет, таков и ответ». Транслируя ребенку свою, пусть подсознательную, неприязнь, в ответ получим ненависть. Транслируя страх, получим неуправляемость. Транслируя недоверие, получим изворотливую ложь. Транслируя сентиментальную жалость, получим наглость и манипуляции. Мы можем контролировать себя и никогда не произносить вслух «ничего такого», но если наши глаза, тон голоса, движения выражают одну мысль: «Ты не такой, как надо!», ребенок прекрасно ее считывает. Вот почему очень важно встретиться со своими предрассудками «лицом к лицу», осознать, а не отмахиваться от них. Только тогда они перестанут определять наше поведение, и мы сможем вести себя так, как считаем нужным, а не так, как требует программа.

Поэтому для начала хорошо бы признать: меня пугает и озадачивает приемный ребенок. Во мне борются жалость, желание помочь, любопытство и неуверенность в своих силах

¹ Подробнее о мифах см. в Приложении.

(может быть что-то одно, или все сразу, или совсем другие чувства, но тоже наверняка сильные). Вы в смятении – и это совершенно нормально. Как раз у самоуверенных и не испытывающих тревоги учителей часто не получается контакта с детьми – уж очень они твердо «знают, как надо». А тот, кто переживает, но делает, пробует что-то новое, рано или поздно справляется с любыми трудностями. И вы справитесь.

Первые встречи – последние встречи

Итак, вы встретились. Вы – за учительским столом, приемный ребенок – за партой в классе. День идет за днем, и обстановка постепенно накаляется.

Вот Антон встал и пошел по классу прямо на уроке, ваше замечание пропустил мимо ушей. Вы взяли его за руку, чтобы посадить на место, а он вырвался и громко засмеялся.

У Дениса сосед по парте взял ластик без спроса – он в ответ со всей силы ударил его кулаком в лицо. Без крика, без угроз – молча. Весь белый, губы сжаты. В ответ на упреки молчит и смотрит в пол.

Класс уже третье предложение пишет, а новенькая тупо смотрит в тетрадь. «Даша, ты что?» – молчит. «Почему не пишешь?» – «Я пишу». «Ты не поняла задание?» Тем же безжизненным тоном, не поднимая головы: «Я пишу». В тетради – ни строчки.

Сережа снова пришел в школу с невыполненным заданием. «Почему ты не сделал?» – «Я не знал, что задано». «Как не знал, вот же у тебя в дневнике написано» – «Нет, не написано». И ладошкой запись закрывает. Даже в детском саду не врут так глупо.

Говоришь, объясняешь, родителей вызываешь... Все то же самое. Даже хуже становится. Уже весь класс хихикает, когда его вызываешь – ребята ждут, какую глупость он скажет. Уже никто сидеть с ним не хочет. Нехорошо, конечно, но дети ведь чувствуют, что он не такой. И жаль его, и злость берет, и невольно думаешь: как было хорошо, когда его в классе не было... Есть же школы специальные... За что мне все это?

Конечно, так бывает не всегда. Возможно, ребенок уже давно живет в семье и вполне восстановился после тяжелого периода своей жизни. Возможно, у него в активе – несколько лет благополучного детства в родной семье, и это служит ему поддержкой до сих пор. Бывают дети, способные от природы, или умеющие приспосабливаться к новым людям и обстоятельствам. Но сейчас – разговор о тех самых «невозможных», «странных» и «сложных». Короче, «детдомовских» в самом худшем смысле этого слова.

Наступает момент, когда перед учителем встает выбор: приложить все усилия, чтобы «пробиться» к ребенку, наладить с ним контакт, преодолеть трудности – или приложить все усилия к тому, чтобы от сложного ребенка избавиться. Последнее, кстати, совсем не трудно. Дети из детского дома и впрямь многого не знают, быстро устают, не горят желанием учиться. Доказать администрации и родителям, что такой ребенок «не тянет» программу, элементарно. А дальше – направление на комиссию. Перед специалистами дети обычно теряются и отвечают хуже, чем в школе. И его направляют в коррекционную школу, а вы можете вздохнуть свободно: у вас в классе – опять только «нормальные» дети.

В самом деле, среди бывших детдомовцев есть дети, для которых программа общеобразовательной школы непосильна. Слишком мешает полученная от судьбы травма, или слишком слабое здоровье. И лучше ребенку быть успешным в коррекционной школе, чем «хуже всех» в обычной. Но если говорить честно, по-настоящему хороших коррекционных школ, таких, чтобы действительно учили в соответствии с индивидуальными особенностями ребенка, а не просто служили «детохранилищем», очень мало. Отношение и к ним, и к ученикам таких школ соответственное («школа для дураков»). Для ребенка и его приемных родителей перевод в такую школу может стать новой травмой, знаком того, что никакими усилиями не исправить «кривую колею» его жизни. Им и так непросто: не всегда поддерживают

родные, друзья, собственные родители. А тут такой козырь в руки недоброжелателей: «Мы же говорили, что он у вас дефективный».

Еще хуже, если ребенок, почувствовав разочарование новых родителей, придет к выводу, что «такой глупый» им не нужен. По опыту знаю, что дети в подобном состоянии, во-первых, теряют даже ту способность к обучению, которая у них была, во-вторых, становятся неуправляемыми и агрессивными, действуя по принципу: чем все время бояться, что меня отдадут, лучше уж поскорее их сам доведу.

Поэтому, прежде чем затевать разговор о переводе в коррекционную школу, ответьте максимально честно на вопрос: так будет лучше для ребенка или вы хотите облегчить жизнь себе?

Есть такой злой анекдот: человек бежит со всех ног к автобусу, стоящему на остановке. А водитель смотрит на него и гадает: «Успеет или не успеет? Успеет или не успеет?». Потом закрывает дверь перед самым его носом и констатирует: «Не успел, придурок!». Это именно то, что делает наше общество с детьми (и не только с детьми), которым не повезло в жизни. Сначала он жил с пьющими родителями, или скитался по улицам, или подвергался насилию, и до этого никому не было дела. Потом его поместили в казенный дом, где он был одним из многих, и до него опять никому не было дела. Потом, даже если ему повезло обрести новую семью, он же оказывается виноватым в том, что не развит, не знает, не умеет. В общем, «не успел, придурок». Это грустно и несправедливо, но, к сожалению, сегодня это так. И потребуется много лет и много усилий, чтобы изменить правила этой жестокой игры. Вопрос в том, какую роль в ней будете играть вы: створки захлопывающейся перед носом ребенка двери, или руки, протянутой навстречу?

Хотелось бы предостеречь вас от другой крайности. Вы искренне хотите помочь ребенку. Вы готовы сделать для него все, что от вас зависит. Может быть, вы думаете о нем больше, чем о любом другом ученике, менее строги к нему, потакаете, не решаетесь проявлять твердость. Вы то и дело пытаетесь поговорить с ним по душам или подолгу чуть ли не каждый день разговариваете по телефону с его родителями, обсуждая его школьные дела. Вы нередко ловите себя на мыслях о том, что ему довелось пережить, и как же, наверное, трудно приходится сейчас... На самом деле очень рискованно строить свою работу со слож-

ным ребенком на жалости и на готовности «все для него сделать». Жалость не придаст сил ни вам, ни ему. «Все сделать» не получится, потому что вы не сможете открутить время назад и заменить его сложную судьбу на другую. Зато заработать нервное истощение можно очень быстро (о том, как учителю этого избежать, пойдет речь ближе к концу книги). А чем сможет помочь ребенку педагог в таком состоянии?

Гораздо правильнее отнестись к ситуации по-деловому, как к новому профессиональному вызову. Вы никогда не сталкивались с такими детьми – что же, пришла пора научиться с ними работать! Представляете, как было бы скучно, если бы все дети были такими, как нам хочется... Зато теперь профессиональная деградация вам точно не грозит. Кстати, полученные знания и навыки окажутся очень полезными при работе с другими сложными учениками. А таких в наших школах предостаточно – детей скандально разводящихся родителей, детей, «подброшенных» бабушкам, детей из неблагополучных семей, детей мигрантов, потерявших свой дом, привычное окружение, возможность говорить и учиться на родном языке. Вы узнаете многие их черты, когда будете читать вторую главу книги.

Итак, начинаем с правильного настроя. Сравните мысленно две картинки.

Первая. Вы – уставший, измученный учитель. Напротив вас – ваша Проблема – неудобный, трудный ребенок. Между вами – баррикада. Вам предстоит борьба, неравная и несправедная. Как самочувствие?

Вторая. Вы (уставший, конечно). Рядом – ребенок (неудобный, разумеется). Перед вами – баррикада, а за ней – Проблема, то есть все связанные с ребенком трудности. И вы вместе (на самом деле не только вы, а еще и родители, и коллеги, и, может быть, другие ребята) вступаете в борьбу не с ребенком, а с Проблемой. Может быть, ребенок не сразу станет активным вашим союзником, но ведь вы с ним по одну сторону баррикады, а это уже немало. Кажется, так уже повеселей?..

Постарайтесь удерживать именно эту «диспозицию» и все время помнить, кто и против чего (а не кого!) сражается. Это самое главное. Если удастся это, остальное получится обязательно – не сейчас, так позже.

Ваш путь начинается. И первый вопрос, который у вас наверняка возник: «Ну почему он такой?»

Почему он такой?

Человек появился на свет. Он очень маленький и совсем беспомощный. У него нет ни единого шанса выжить, если ему не будет помогать взрослый². Это чувствует любой, даже самый маленький ребенок. Эта информация заложена в него природой вместе с внутренней программой: «Если рядом есть взрослый, который заботится о тебе, смело расти и развивайся. Если он недостаточно внимателен, привлеки его внимание любыми способами. Если это не получается – замри, не расти, жди лучших времен. Если не дождался – умирай». В конечном итоге все особенности детей, по тем или иным причинам оставшихся без родителей, все странности их поведения восходят к этой глубинной программе.

² Не случайно отказ матери от новорожденного иногда называют «скрытым инфантицидом» (детоубийством).

Один и не дома: эмоциональная депривация

Первыми к мысли о том, что физическое и психическое здоровье ребенка, его развитие, отношение к миру и к своему месту в нем определяются его взаимоотношениями с родителями в раннем детстве, пришли психоаналитики. Их опыт работы со взрослыми пациентами показывал: изменения к лучшему в психологическом состоянии человека происходили после того, как всплывали тяжелые детские воспоминания – о чувстве отверженности матерью или отцом, о том, что родители были вечно недовольны, что их не было рядом в трудные минуты.

Ребенок не в состоянии отделить объективные обстоятельства жизни от родительских желаний, ему кажется, что уж мама-то с папой всегда делают то, что хотят. Отец много работает и почти не видится с ребенком не потому, что должен содержать семью, а потому, что «он меня не любит». Мать после появления второго ребенка начинает уделять меньше внимания первенцу не потому, что малыш требует больше заботы – просто «я ей больше не нужен». И даже если мать умирает, ребенок злится на нее, потому что «она меня бросила». Такие выводы об отношениях с родителями – часто вовсе не соответствующие действительности, по-детски упрощенные – закладывают фундамент личности ребенка, на котором он в дальнейшем строит свои отношения с окружающими. Например, от каждого нового человека ожидает, что тот его скоро предаст или бросит, «шестым чувством» выбирая для завязывания отношений как раз тех, кто на самом деле способен бросить.

Исследования психоаналитиков продолжил немецкий психолог Рене Спитц, который наблюдал за младенцами из «образцовых» приютов, где у них было хорошее питание и лечение, но практически отсутствовало общение со взрослыми. Во избежание инфекций детей размещали в стерильных палатах, специально обученный персонал заходил к ним только по необходимости – перепеленать, покормить, и всегда в марлевых повязках. В других случаях на руки детей брать не разрешалось. В результате дети в этих «передовых» приютах развивались гораздо хуже, чем дети из приюта при тюрьме, которые жили в очень плохих условиях, но часто виделись со своими мамами (и смертность среди первых была в несколько раз выше). Среди белых стен, в окружении белых масок вместо лиц, лишённые тепла рук, младенцы в буквальном смысле слова умирали от тоски. Это явление Спитц назвал «госпитализмом».

Госпитализм – это комплекс симптомов, который проявляется у ребенка, оставшегося без матери. Ребенок становится тихим, замкнутым, вялым, плохо ест и спит, теряет способность сопротивляться инфекциям и может умереть даже от нетяжелой болезни. Дети, которые растут без родительской заботы, отличаются от семейных заметным отставанием в физическом и интеллектуальном развитии, не проявляют любознательности, не любят осваивать новые навыки, легко впадают в истерику, в панику, в отчаяние.

Почему так происходит? Превращение новорожденного, практически неспособного выжить без посторонней помощи, в малыша, который бегает, ест кашу и болтает, – не менее сложный процесс, чем развитие ребенка из яйцеклетки. Чтобы он был возможен, природой создана сложнейшая система «мать-дитя», где все взаимосвязано. Известно: если ребенок сосет много и активно, то молока в груди у матери становится больше. И наоборот: не давайте ребенку грудь в первые несколько суток (как это было принято в наших роддомах еще недавно), и вы получите «безмолчную» маму. Если **не для кого** производить молоко, организм женщины и не станет этого делать.

Точно так же с ребенком. Он растет, развивается, учится новому, выздоравливает после болезней, только если **есть для кого**. Если кто-то этому рад, ждет, помогает, если в ответ на каждое свое усилие, каждое достижение ребенок получает позитивную реакцию. Прежде чем младенец в первый раз улыбнется, он видит тысячи улыбок своих родителей и близких. Прежде чем он в первый раз самостоятельно повернется, его сотни раз перевернут мамыны (папины, бабушкины) руки, показывая, как это делается, поддерживая, укрепляя мышцы и уверенность в себе. Закон сохранения заботы звучит так: чтобы человек умел заботиться о себе и о других, сначала кто-то другой должен вложить в него много-много заботы.

Из актов общения, которыми мать ежесекундно обменивается с ребенком в первые месяцы и годы его жизни – из взглядов, прикосновений, ласковых слов – постепенно формируется его личность. Ребенок приходит в мир, готовый к этой большой работе, настроенный на нее – сразу после рождения он способен отличить свою мать от других женщин по голосу, по запаху, по вкусу. Если роды прошли без осложнений и младенец проводит первые часы жизни с мамой, он может долго и сосредоточенно смотреть ей в глаза, словно знакомится, изучает, стремится установить с ней связь.

Но бывает и иначе. Мать оставляет ребенка. Он зовет – ее нет. Он ищет глазами ее взгляд, губами ее грудь. Нет. Его пеленают, кормят, моют разные люди, каждый раз **не те**. Ему страшно. Масштаб этого страха мы, благополучные взрослые люди, даже не можем себе представить. Потому что чего бы мы ни боялись – операции, переезда, потери близких, мы не можем потерять сразу все, даже при значительной потере в нашей жизни останется все остальное. А у ребенка этого «остального» просто нет – ни других опор, ни интересов, ни целей, ни опыта борьбы с неудачами. Для него отсутствие матери означает не крушение того, что было, а невозможность возникновения чего бы то ни было.

Даже если о ребенке хорошо заботятся нянечки или другой персонал сиротского учреждения, его тревогу это не снимет. Во-первых, потому, что для него изучить реакции и поведение другого человека – очень сложная задача. Когда люди все время меняются и у каждого своя мимика, свои интонации, свои приемы, задача становится просто непосильной. Во-вторых, даже самая добросовестная нянечка вынуждена заниматься группой детей и не может, как мать, подходить по первому зову одного, часами лепетать вместе с малышом, держать его на руках, кормить и менять пеленки тогда, когда это нужно ребенку (а не по санитарным нормам). К тому же нянечки бывают разные, и руки их не всегда берут детей ласково, и голоса у них не всегда добрые...

К счастью, дети обладают огромными способностями к адаптации и огромным желанием жить. Поэтому они стараются удержаться на первых двух пунктах своей внутренней программы: «добивайся внимания взрослого, не добившись, замри и жди, не дождался – умирай». Именно этим объясняется большинство особенностей детей, в раннем возрасте оставшихся без родителей – «отказников», «подкидышей» и прочих обитателей домов ребенка.

Например, многие детдомовские дети, даже давно вышедшие из младенческого возраста, страдают энурезом (недержанием мочи). В чем причина? С одной стороны, состояние постоянной тревоги (психологи называют ее **базовой**) в отсутствие матери расшатывает нервную систему, в том числе и ту ее часть, что управляет мочеиспусканием. С другой – ребенку нужно внимание взрослых. Не мамы, так хоть нянечки. Не любви, так хотя бы формальной заботы. Не ласки, так хоть какого-то физического контакта. Опирайся лишней раз, и ты это получишь. Даже если рассердятся, прикрикнут или шлепнут, все равно это лучше, чем ничего. Это та соломинка, за которую можно ухватиться утопающему. Внимание взрослого для ребенка – не прихоть, а жизненная необходимость. Потому что голос природы внутри все время настаивает: получи внимание взрослого или умрешь. Тут уж выбирать средства не приходится.

Того же происхождения привычка детей из детского дома по любому поводу громко кричать, закатывать истерики. Все просто: если у нянечки есть время подойти только к одному из десяти детей, она подойдет к тому, кто кричит громче всех. Кто не сумел обзавестись «луженой глоткой», получает меньше внимания, значит, больше отстает в развитии и имеет меньше шансов выжить. Оттуда же – такая особенность поведения детдомовцев, как «прилипчивость»: неестественная ласковость, когда ребенок готов залезть на колени к любой незнакомой женщине, обнять ее, поцеловать, назвать мамой. Понятно: отчаявшись получить полноценную материнскую любовь, он решил добирать количеством («с миру по нитке») внимание взрослых, а если не дают добровольно, надо выпросить, выманить, выбить.

Ребенок, оставшийся без матери, находится в крайней степени стресса, ему не просто одиноко или грустно – решается вопрос его жизни или смерти. Каждый день. Многим известны навязчивые действия, которые так пугают в детях, выросших в казенном доме. Даже довольно взрослые дети – шести, восьми лет – сосут палец, и порой не один, а чуть ли не всю кисть засовывают в рот, часами раскачиваются из стороны в сторону, могут даже

биться головой о спинку кровати. Все эти ритмические действия – замена материнскому укачиванию, тот способ, который изобретают дети, чтобы справиться с нестерпимой тревогой и успокоиться. Поэтому если вам неприятно видеть, как восьмилетний ребенок сосет палец, вспомните, почему сформировалась эта привычка, зачем ему это было нужно (дети, которые не научились так себя успокаивать, просто не дожили до восьми лет).

Как решить эту проблему? В государственном масштабе – активно заниматься профилактикой ранних отказов от детей (кое-что в этом направлении уже делается). Ведь настоящих матерей-кукушек, у которых необратимо сломана программа материнской заботы о ребенке, очень мало. В основном от детей отказываются от безысходности, оттого, что женщине негде и не на что жить. Если она еще во время беременности получает помощь и поддержку, обычно у нее находится возможность самой растить ребенка.

Детям, которые все же остались без матери, лучше расти в малокомплектном учреждении, где за каждой няней закреплено не больше четырех-пяти детей. Но настоящим спасением может стать только семья. Чем раньше ребенок-сирота обретет семью, тем меньше будут последствия эмоциональной депривации, тем полнее он сможет восстановиться для нормальной жизни. И значение здесь имеет буквально каждый день. Очень важно донести эту мысль до всех, особенно до тех специалистов, которые имеют отношение к сиротам. Потому что сейчас многие не видят проблемы в том, что малыш еще неделю-другую, а то и месяц-два полежит в больнице, подождет в приюте решения инстанций, определения статуса и т. п. Пока он находится в учреждении, формируются все новые и новые психологические проблемы, которые придется потом решать приемным родителям³.

Последствия депривации все же преодолимы. Дети очень хотят жить и расти, поэтому они используют любой шанс, подаренный судьбой. После устройства в семью даже младенцы каким-то образом чувствуют, что «жизнь налаживается», и делают невероятный скачок в росте и развитии. Но пережитый стресс еще долго дает о себе знать, и чем дольше ребенок прожил без семьи, тем более длительным будет процесс восстановления.

Вспоминаю рассказ знакомой усыновительницы: четырехмесячная дочка после того, как ее забрали из дома ребенка, спала, почти не просыпаясь, неделю. Родители перепугались, вызвали врача. А девочка просто хотела «заспать» пережитый кошмар. Каким-то чудом поняв, что теперь находится в безопасности, она сделала самое лучшее, чтобы поскорее восстановиться. Ее родители успели вовремя. На будущий год девочка идет в школу, и ее учителю вряд ли придет в голову читать эту книгу, – она ничем не отличается от любимых, нарядных, немножко балованных, хорошо развитых семейных деток. Да она и есть – семейная.

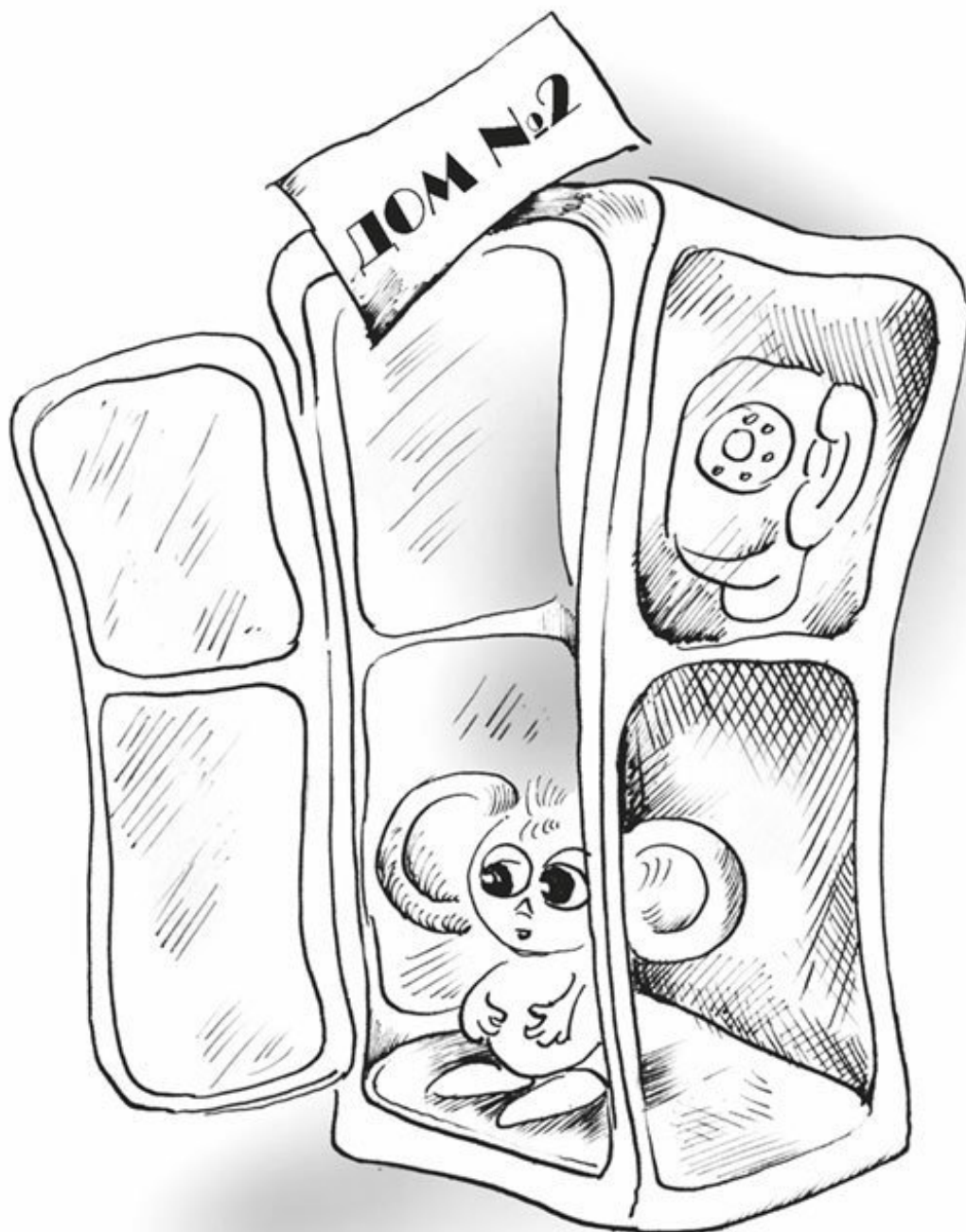
³ В этой ситуации неоценимо значение профессиональных патронатных семей, которые могут взять малыша к себе до выяснения всех обстоятельств, а потом уже передать его постоянным приемным родителям. Очень больно бывает слышать пренебрежительные отзывы об этих людях, которые, мол, «берут детей на передержку». Они спасают детей от казенного дома, от последствий депривации, каждый раз принося в жертву собственные чувства и желания, чтобы помочь большему числу детей.

Как трава при дороге: пренебрежение

Что нужно уметь человеку, чтобы нормально жить? Спектр необходимых умений поистине огромен: от профессиональных знаний до навыков самообслуживания, от умения пользоваться бытовой техникой до знания правил дорожного движения. Мы не задумываемся об этом, пока у нас не появляются дети. И тогда мы замечаем, как много нужно потратить сил и времени, чтобы ребенок усвоил простейшие вещи: что нельзя выбегать на проезжую часть, что перед едой надо мыть руки, а если все разбросать, потом ничего не найдешь, да еще наступишь на что-нибудь и сломаешь. Мы объясняем, показываем, ругаем – много лет, пока для ребенка все это тоже станет очевидным. При этом нам кажется, что главное – как раз объяснять и показывать (ну, и ругать, куда же без этого). На самом деле вес наших осознанных «педагогических усилий» в деле воспитания ничтожно мал. Ребенка готовят к жизни не столько наши объяснения, сколько сам семейный уклад. Сам факт, что есть место, где спят, и место, где обедают, что есть время, когда пора спать, и время, когда все садятся за стол, что обычно в доме есть еда, что одежда должна быть чистой, что придя с улицы нужно снять куртку и обувь, а, выходя из дома, – одеться по погоде. Члены семьи знают, кто где находится, и волнуются, если один из них задерживается, не предупредив. Когда кто-то заболевает, остальные о нем заботятся. Если кому-то плохо, другие стараются ему помочь. Все это образует среду обитания, которая существует благодаря постоянным усилиям членов семьи и делает жизнь удобной, предсказуемой, а порой и приятной.

Год за годом наблюдая хитрую механику семейного уклада, принимая в ней посильное участие, сталкиваясь с последствиями нарушения правил (не помыли вовремя посуду – нет ни одной чистой тарелки, не вывели гулять щенка – лужа на полу и т. п.), ребенок сам учится обустраивать среду обитания, делая свою будущую жизнь удобной, предсказуемой, а порой и приятной. Для кого-то свой дом – это крепость, для другого – гнездо или нора, но главное – чтобы он был местом, где можно восстановить силы, привести в порядок и тело, и мысли, и душу.

Именно этого умения катастрофически не хватает выпускникам детских домов. Даже если они получают от государства квартиру и подъемные, даже если у них есть профессия, они часто не справляются с жизнью, потому что не создали свою среду обитания, свое место для восстановления сил. А сделать свой дом таким местом они не умеют, ведь это целое искусство, его с ходу не освоишь.

Домашний ребенок, заселяясь в студенческое общежитие, тащит с собой любимый плед, любимую чашку, а порой и плюшевую игрушку. Он быстренько обживает и обустривает свой угол, придумывает, как переставить кровать и где повесить постер. Он знает, что быстро высушить белье можно на батарее, а чашку от следов чая отмыть содой. Он знает, что при простуде надо выпить чаю с медом и залезть под одеяло. Детдомовский ребенок может месяцами жить в квартире с немывыми окнами, без занавесок, без абажура, и даже не замечать этого. Может подолгу не обращать внимания на недомогание, температуру и даже сильную боль. Может поменять электроплиту на плеер – а зачем нужна плита, если можно бутерброды сделать? Может оставить в своей квартире незнакомых людей и уйти гулять – а что такого? Он приходит в пустой, неудобный, грязный дом, и ему здесь плохо,

тоскливо, одиноко. Он зовет с улицы первых попавшихся людей, чтобы не быть одному, они, естественно, предлагают выпить... Развитие сюжета предсказать несложно.

Нормальный семейный уклад – это то, чего в первую очередь лишается ребенок в неблагополучной семье, в условиях пренебрежения. Скорее всего, родители пьют. Может быть, устраивают попойки дома, приводя множество непонятных, пьяных, порой агрессивных людей. Возможно, мать надолго оставляет ребенка одного или после запоя целыми днями лежит без сил, не обращая ни на кого внимания (нередко и ребенку дает выпить, чтобы спал и не мешал). К ребенку могут подойти, когда он плачет, а могут и не подойти. Иногда покормят, иногда забывают. То разговаривают ласково, играют, целуют, то орут или не обращают внимания. Один пьяный гость дал конфету, другой – подзатыльник. Вчера папа ругал за двойку, объяснял задачу, а сегодня лежит пьяный и отмахивается от сына. Вчера мама была веселая, добрая, колбасой кормила, а сегодня утром злая, матерится и говорит, что хочет сдохнуть. Сдохнуть – это значит умереть? Зачем она хочет умереть? А со мной что будет? Очень страшно и непонятно.

Если состояние ребенка, оставленного матерью, можно описать как «одинокость, ужас, отчаяние», то состояние ребенка в условиях пренебрежения точнее всего передают именно эти слова: непонятно, непредсказуемо, ненадежно.

Пренебрежение, как и частые разлуки с матерью в раннем детстве, формирует у ребенка непрочную привязанность. Теория привязанности была впервые сформулирована английским психологом Джоном Боулби, который изучал поведение и состояние детей, оказавшихся в приюте. Чувство привязанности формируется в первые два года жизни ребенка. Какой она будет – прочной или нет, зависит от того, насколько надежна его мать, насколько он может быть уверен в ее присутствии рядом, в ее помощи в трудную минуту. Ведь для младенца чувство голода – это очень, очень трудная минута, у него нет жизненного опыта, он чувствует голод как прямую угрозу жизни, и должна много-много раз повториться цепочка действий: голод – крик – мама – молоко – жизнь налаживается! – пока он не усвоит твердо, что умереть с голоду ему точно не дадут. И тогда годам к двум ребенок может уже подождать, пока мама варит кашу, даже если чувствует голод. Потому что уверен – с мамой не пропадешь!

Если же эта вера не может сформироваться, потому что мама то есть, то где-то ходит, то кормит, то нет, то и привязанность формируется соответствующая. Многочисленные исследования показывают, что качество детской привязанности влияет на будущую жизнь человека, определяет его устойчивость к стрессам, отношения с супругом и детьми, желание работать и добиваться успеха.

Некоторые последствия родительского пренебрежения сразу бросаются в глаза: ребенок худой, низкорослый, с плохим состоянием кожи, волос, зубов. Он может не уметь пользоваться туалетом, столовыми приборами. Одна патронатная мама рассказывала, что четырехлетний мальчик в первую ночь в новом доме никак не мог заснуть – он никогда раньше не спал на кровати. Когда ему разрешили перейти на стул, он сжался там в комочек и наконец успокоился – видимо, так он привык спать в кровной семье. Много раз приходилось слышать о детях, которые первое время в приемной семье ели только хлеб, откусывая прямо от батона, и пили воду из-под крана. Другой еды они просто не знали. Но это, конечно, случаи крайне тяжелого пренебрежения, переходящего в жестокое обращение.

Как раз эти пугающие последствия неблагополучия очень быстро компенсируются после попадания ребенка в хорошие условия, особенно в приемную семью. Он набирает рост, вес, на щеках появляется румянец, волосы становятся густыми и блестящими, у него проходят хронические болезни. А уж оценить, что мамины блинчики и котлеты вкуснее воды с хлебом – с этим все справляются максимум за пару месяцев. Но есть и другие, не столь

бросающиеся в глаза признаки родительского пренебрежения, преодолеть которые не так просто. Прежде всего это неспособность позаботиться о себе.

Мы уже говорили о законе сохранения заботы – из ничего способность заботиться о себе и о других не возникает. Если забота, которую получает ребенок, непоследовательная, недостаточная, от случая к случаю («лишь бы не орал»), он точно так же будет потом относиться к самому себе, к своему здоровью, своему развитию, своему будущему. У ребенка оказывается повреждена «система навигации по жизни», которая есть у каждого из нас и которая в минуты ответственного выбора подсказывает: «Так для тебя будет лучше, а этого берегись, как огня». Именно эта система позволяет избегать разрушающих отношений и опасных ситуаций, сигнализирует о том, что надо вовремя обратиться к врачу или отказаться от вредных привычек. Чтобы внутренний «навигатор» работал, необходим опыт жизни в такой системе координат, где «так будет лучше для ребенка» – важнейшее направление. Если в семье так никто никогда не считал, то и сам ребенок так считать не будет. Он к самому себе будет относиться как к недоразумению, досадной помехе, источнику проблем или как к чему-то, вообще не имеющему никакого значения. Это может проявляться по-разному – от искреннего непонимания, зачем нужно каждый день мыться и ходить в школу, до готовности подчиняться «авторитету» в воровской шайке и взять на себя чужие преступления.

У людей, переживших в детстве отвержение или пренебрежение родителей, часто преобладают негативные чувства. Когда на приеме у психолога их просят нарисовать карту своих чувств, весь лист оказывается раскрашенным фиолетовыми, черными, серыми, коричневыми пятнами тоски, вины, тревоги, отчаяния. Среди них полыхает багровое пятно злости, ядовито-желтое – обиды. И только где-то по углам могут оставаться светлые, яркие островки радости, любви, интереса, душевного подъема. Это и становится причиной, по которой они часто скатываются на дно жизни – при любых неурядицах, от которых никто не застрахован, они оказываются неспособными утешить и подбодрить самих себя. Им просто не досталось в наследство от родителей широко известных способов повышения настроения: приготовить себе что-нибудь вкусненькое, купить приятную мелочь, залезть в теплую ванну, поваляться на диване с книгой, переставить мебель. В ситуации стресса им приходит на ум только одно – налить, выпить, забыться.

Для маленького ребенка важнейшая составляющая заботы – создание предсказуемого, понятного, знакомого мира вокруг. Не случайно дети так любят ритуалы. Им важно знать, что, когда и в какой последовательности будет происходить. Сначала я смотрю «Спокойной ночи, малыши», потом иду купаться, потом надеваю пижаму, мама приносит мне молоко, я обнимаю мишку, мама меня укрывает и целует. Все хорошо, все как всегда, можно спать. Но если вдруг мишка куда-то задевался или мама говорит по телефону и все никак не идет целовать – караул. Ребенок не может заснуть, крутится, плачет, мается. Это не капризы – ему действительно плохо. Умные родители знают, что стыдить и увещевать бесполезно – проще включить свет, объявить семейный аврал и найти-таки мишку.

Такая приверженность к порядку для маленького ребенка – способ справиться с тревогой. Ведь он и правда совсем маленький, а мир такой сложный, каждый день происходит столько нового, и хоть что-то должно быть неизменным. Тогда можно, опираясь на эти островки покоя и предсказуемости, двигаться дальше, рисковать, пробовать, развиваться. Чем больше в данный период жизни ребенка происходит изменений (пошел в детский сад, переехали на новую квартиру, родился братик и т. п.), тем важнее сохранять неизменным то, что можно.

Отсутствие порядка и чувства защищенности – именно это отличает пренебрегающих родителей от просто занятых. Не в том дело, что с ребенком недостаточно занимаются, не читают ему книг и не собирают с ним конструктор. Немало выдающихся людей рассказывали, что в детстве были предоставлены сами себе, носились по полям и оврагам, и никто

их специально не развивал и не воспитывал. Но при всей вольнице жизнь их была понятна и предсказуема: вечером дома ждал ужин и постель, в доме существовали правила и традиции, в случае болезни или трудностей взрослые приходили на помощь, а окружающая среда давала достаточно материала для размышлений, фантазий, экспериментов. Дети же в неблагополучных семьях часто, напротив, лишены новых впечатлений, их не выпускают на улицу, а дома – только грязные стены и бормочущий телевизор (сейчас он есть даже в тех домах, где нет простыней и холодильника).

И даже временная нестабильность и «жизнь вверх дном», от которых не застрахована ни одна семья, – хоть и тяжелое испытание, но вовсе не обязательно обрекает ребенка на тяжелые проблемы. Принципиально важно психологическое состояние родителей. Немало детей беженцев, вынужденных переселенцев, по воле обстоятельств оказавшихся в бедственном положении, выходили из этих передрыг без особых душевных травм, потому что их родители не теряли присутствия духа и хоть в бараке, хоть в палатке, хоть в вагоне поезда пытались создать для ребенка уголок защищенности, домашнего уюта.

Трагедия детей из неблагополучных семей не в том, что нет простыней или горячего супа. Их родители не справляются с жизнью. Они чувствуют, что все не так, но ничего не могут изменить. Они забываются на время, когда выпьют, их настроение меняется от безнадежности к раздражению, то они «начинают новую жизнь», то опять опускают руки. Ударяются в безудержное веселье, которое может смениться черной злобой на всех вокруг, на себя, на ребенка. Эта чересполосица чувств, настроений, состояний сбивает ребенка с толку. Все его силы уходят на то, чтобы предугадать поступки родителя: что он сделает в следующую минуту – ударит? погладит? уйдет? заплачет? И что я сам должен делать: спрятаться? помочь? заплакать? пожалеть? Ему уже не до развития, не до детской любознательности, не до игр и сказок. Тут бы хоть что-то успеть сообразить.

Некоторые справляются, и у них развиваются шокирующие в маленьком ребенке «прожженность», хитрость, умение манипулировать, добывать свое – мытьем или катаньем. Наверное, многие видели маленьких попрошаек, которые ангельским голоском просят «на хлебушек», но если вместо денег дать им булку, они, злобно ругаясь, бросят ее в грязь. И тут же снова – с умильной мордашкой – протягивают руку к следующему человеку. Подобное отношение к миру, к людям не позволяет завязывать доверительные отношения с кем бы то ни было. Ведь такому человеку не нужно, чтобы его любили, ему верили, им дорожили – главное, чтобы окружающие делали то, что ему требуется. Такое грубое искажение человеческой природы возникает только в крайних обстоятельствах: либо у детей, которые годами живут впроголодь, либо когда к пренебрежению добавляется использование ребенка – например, для сбора милостыни, а если он не приносит денег, его ждут побои.

Другие дети, отчаявшись предсказать настроение и поведение родителей (даже опытный психиатр не всегда способен предугадать, что сделает человек в алкогольном психозе), впадают в ступор, замирают, вообще отказываются участвовать в происходящем, «выключаются». В их ситуации это самое разумное – сидеть тихо, забиться в угол, чтобы не попасться под пьяную руку. А чтобы не было так страшно, надо еще отключить чувства и мысли. Таким детям часто ставят диагноз «умственная отсталость» – потому что они в совершенстве осваивают искусство впадать в полубессознательное состояние и находиться в нем сколь угодно долго, глядя перед собой туманным взором и открыв рот. Не всякая комиссия станет тратить время на то, чтобы ребенка успокоить, разговаривать, и отличить привычный ступор от настоящей умственной отсталости.

Есть дети, которые, поняв, что положиться на родителей нельзя, начинают сами о них заботиться. Они уговаривают маму перестать пить, находят под забором папу и тащат домой, кормят и укладывают младших братьев и сестер. Иногда они побеждают, и их усилиями семья как-то справляется с трудностями. Таким образом, ребенок растет дома, пусть и не в

идеальных условиях. Очень часто ситуация ухудшается и детей в конце концов забирают из семьи. В детском учреждении такие дети, побывавшие в роли родителей, на первых порах ведут себя как очень разумные, взрослые и все понимающие. Но проходит время, и законы развития берут свое. Кусок детства, от которого им пришлось добровольно отказаться в свое время, все равно должен быть прожит. И вот в подростковом, юношеском возрасте этот «должок» вдруг заявляет о себе. Почти взрослый ребенок вдруг начинает капризничать, закатывать истерики, демонстрирует полную безответственность, злобно дерется с тем самым младшим братом, которого самоотверженно вынянчил, иногда перестает ухаживать за собой – мыться, причесываться. Он словно сообщает окружающим: все, караул устал, я смену сдал, теперь я снова маленький, а быть большими и сознательными – ваша очередь! Только вот окружающие часто бывают в шоке от такой перемены, и им трудно начать заботиться об «этой дылде» как о маленьком ребенке. А ведь это единственное, что ему сейчас нужно – восстановить баланс, вернуться в свой нормальный возраст.

Нелюбовь к себе, неприспособленность к нормальной жизни, низкая самооценка, низкий уровень притязаний («я все равно ни на что не способен») – вот «наследство», которое получают дети, выросшие в пренебрежении. Естественно, это отражается и на учебе. Ведь важно не просто решить пример, нужно уметь уговорить себя сделать то, что не хочется, нужно стараться, нужно планировать свое время, уметь отдыхать, уметь утешаться после неудач. Именно таких умений катастрофически не хватает этим детям, поэтому они часто плохо учатся, даже имея нормальные способности. И выход здесь один: терпеливо обучать их всем этим премудростям, подсказывать, поддерживать, хвалить, а если ругать, то обязательно показывать альтернативу: так, как ты сделал, – неправильно, а правильно – вот так. Это непросто, требует много терпения и мудрости, но вот какое соображение может поддержать вас на этом пути.

Тот, кто не способен позаботиться о себе, и о других тоже полноценно заботиться не сможет: ни о домашнем животном, ни о собственных детях. Вернее, забота эта будет носить такой же импульсивный, «рванный» характер, какой получал он в детстве. Сегодня – люблю безумно, завтра – отстань, надоел, уйди, чтобы я тебя не видел. Отсюда грустное явление, знакомое многим сотрудникам детских учреждений, – сиротские «династии», когда в одном и том же детском доме растут дети, а потом и внуки бывших воспитанников.

Как-то мы спросили французских коллег, устраивающих детей в семьи, что они считают показателем качества своей работы. Оказывается, ни у одного (!) из их бывших подопечных, выросших в приемных семьях, дети не были изъяты из-за пренебрежения. Так что, помогая ребенку с тяжелым прошлым полюбить себя, поверить в свою ценность, научиться заботиться о себе, вы помогаете на самом деле сразу многим детям – всем его потомкам на много поколений вперед!

Кошмар наяву: жестокое обращение

Один из самых пугающих сюжетов в фильмах ужасов: герой бежит от монстра, из последних сил отбивается, пытается скрыться. Вдруг – какое счастье! – он видит кого-то из родных или друзей, бросается навстречу. Сейчас ему помогут, вместе уже не страшно, он почти спасен... И тут родное лицо начинает на глазах меняться, в его чертах проступают черты монстра... Когда мы, взрослые люди, видим подобные кадры, сидя на безопасном диване, нас прошибает холодный пот. Невозможно представить себе, что чувствует ребенок, если в монстра – реального, а не киношного – превращается тот, кто должен спасать, защищать, утешать, то есть мама или папа. Как с этим быть? На что после такого надеяться? Где взять силы жить дальше?

Жестокое обращение – со стороны собственных родственников и/или их собутыльников, а порой и со стороны персонала или старших воспитанников учреждений – это то, с чем сталкивается подавляющее большинство детей из детских домов. Это и «заурядные» побои, и особо изощренные издевательства, и переломанные кости, и сексуальное насилие. Говоря об этом, трудно не попасть под власть эмоций, но ни ужасом, ни гневом, ни жалостью детям не поможешь. Пусть наказанием виновных занимаются суды, прекращением совершающегося насилия – милиция, а профилактикой – органы опеки и попечительства. Наша с вами задача – помочь ребенку, уже пережившему насилие, восстановиться. Важно знать, как проявляются последствия жестокого обращения и что следует делать.

При нормальном детстве семья, дом, родители вызывают у ребенка чувство безопасности, защищенности. Мама и папа – большие и сильные, они всегда знают, что делать, они все умеют, они защитят от саблезубого тигра, от Бабы-Яги, от страшного сна; они помогут, когда болит живот, когда не можешь решить задачу, когда поссорился с лучшим другом. Хотя и такие добрые родители могут превратиться в «злых» и начинают кричать, ругаться, наказывать. Для ребенка, особенно маленького, это превращение происходит совершенно неожиданно и, с его точки зрения, без всякой причины.

Вот он крутится, сидя за столом, хватая что-то: раз, другой, третий. Мама делает замечание, сначала ласково, потом строже, потом пытается отвлечь. Все это еще «по эту сторону черты», где мама добрая. Вдруг ребенок делает неловкое движение – и на пол летит тарелка с манной кашей. Кухня заляпана кашей, если не вымыть сразу – присохнет и не отмоешь; на полу – осколки вперемешку с кашей – можно пораниться; ребенок остался без завтрака, а через 15 минут выходить из дома – все эти соображения стремительно проносятся в голове у мамы. Она, ясное дело, кричит на ребенка, а то и по рукам даст, затрещину отвесит – то есть дает выход вполне обоснованной (с ее точки зрения) злости. Вот только ребенку не под силу столь быстро оценить последствия и масштаб того, что случилось. Для него мамин эмоциональный взрыв пугающе непредсказуем, просто внезапно мама оказывается «по ту сторону», превращаясь из доброй в злую и опасную.

Подобные метаморфозы отражены в детских сказках в образе злой мачехи – ну не родная же мать ребенка так ненавидит, что готова в лес на съедение волкам отправить! Папа, соответственно, предстает там жутким людоедом – в это легко поверить, глядя, как огромный мужик, рыча и топая ногам, с глазами, налившимися кровью, тащит за шиворот ребенка, на ходу расстегивая ремень. Но, в сказках, как известно, всегда бывает счастливый конец. Появляется добрая фея (другой материнский образ – добрый), добрый волшебник или король (мудрый отец), или сам герой как-то выкручивается из ситуации и сбегает от злого людоеда к добрым родителям (читай: находит способ помириться, может, переждать, может, подлизаться или как-то иначе заслужить прощение).

Так сказки позволяют ребенку освоиться со вспышками родительского недовольства, помогают поверить, что они пройдут, а по-настоящему ему ничего не угрожает: ну, накричали, ну, отшлепали, но потом простили, обняли, утешили. Его все равно любят, а значит, жизнь наладится. Со временем он учится прогнозировать, когда родители рассердятся, и находит способы поведения, помогающие пережить эти неприятные моменты, причем хорошо знает, с кем и как себя вести. Главное, его опыт подсказывает: как бы страшно ни было, когда кричат и топают, какие бы слова ни произносились («я тебе голову оторву», «я с тебя шкуру спущу»), на самом деле ничего такого не происходит и безопасность ребенка родители – даже в гневе – гарантируют.

Конечно, есть немало родителей, которые переходят грань нормального воспитательного воздействия. Опытные учителя сразу видят детей, которых дома бьют. Стоит протянуть к такому руку, чтобы поправить воротничок, и он отшатывается, съеживается. Разговоры с родителями обычно мало что дают. Вообще это серьезная проблема нашего общества – терпимое отношение к насилию в семье, в том числе над детьми, и отсутствие способов воздействия на таких родителей (единственный способ – изъятие ребенка из семьи). Но при общем социальном благополучии родителей (работают, не пьют, ребенка кормят, в школу водят) никто его изымать не станет, и слава богу – неужели в детдоме лучше? Если ребенок получает в семье не только суровые наказания, но и заботу, внимание, любовь, у него все равно будет достаточно сил, чтобы пережить детские обиду и боль и вырасти нормальным человеком.

Когда речь идет о жестоком обращении с ребенком, насилие это ничем не ограничено, не имеет прогнозируемой логики и может быть вообще не связано с наказанием за проступки – просто он под руку подвернулся. При этом ребенок понимает: ему грозит реальная опасность, его могут серьезно травмировать, причинить очень сильную боль и даже убить, и тут не спасут ни крики и жалобы, ни вид крови. Пока его ярость не найдет выхода – спасения нет, никакие хитрости и уловки не помогут. Ребенок сталкивается с настоящим, совсем не сказочным монстром, и тем ужаснее, если этот монстр – его отец, если нападение происходит на глазах у матери, которая ничего не делает, чтобы ребенка защитить. При этом часто акты насилия – единственные эпизоды в жизни ребенка, когда он оказывается в центре внимания родителей. Помните о программе, которая требует: «добейся внимания – любой ценой»? Здесь «ценой» оказывается боль, страх и опасность для жизни. Парадокс в том, что с точки зрения ребенка, такое «внимание» лучше, чем никакого. Лучше быть избитым, чем брошенным.

Так в душе ребенка любовь оказывается прочно склеена с болью, страхом, ненавистью. Формируется амбивалентная привязанность, единое чувство «люблю-ненавижу», которое потом проявляется в любых отношениях, в которые вступает ребенок. Для него формула «бьет – значит любит» лишена иронии и точно описывает его понимание любви. У ребенка душа в буквальном смысле разрывается надвое. Инстинкт самосохранения подсказывает ему, что от этих людей надо держаться подальше, а потребность в привязанности заставляет снова и снова искать их внимания. На этих мучительных эмоциональных качелях проходит его детство – год за годом. Осознать, что собственный родитель может быть опаснее дикого зверя, ребенок не может. И он защищается от душевной и физической боли, погружаясь в оцепенение и бесчувственность.

Такие дети поражают неподготовленного человека. Упал, расшибся в кровь, и смеется: «Мне не больно!». Его ругают – он либо ухмыляется, либо делает вид, что не слышит и не понимает. Или наоборот – от любого пустяка у него истерика, слезы, ребенок сворачивается на полу в комочек и кричит (значит, насильник все же реагировал на слезы и плач).

Естественно, очень страдает интеллектуальное развитие таких детей. А вы смогли бы решать уравнения, живя в одной квартире с разъяренным тигром? Страх настолько пропи-

тывает личность ребенка, что парализует все его способности. Все силы его души уходят на то, чтобы каждую минуту преодолевать ужас перед жизнью. В результате ребенок, абсолютно здоровый с рождения, может получить серьезный дефектологический диагноз, когда после нескольких лет жизни в условиях жестокого обращения оказывается в поле зрения специалистов.

Но с изъятием из семьи его проблемы не заканчиваются. Когда непосредственная опасность для жизни исчезает, через какое-то время начинает отпускать и «анестезия» спасительного отупения, а ведь под ней – душевная рана. Даже если полученные синяки и ссадины (а бывает, и переломы, и ожоги, мне встречалась девочка, которую в четыре года родители выбросили из окна) зажили без следа, психотравма остается, и ребенок начинает неосознанно воспроизводить ситуацию травмы, провоцируя взрослых, раздражая их и вынуждая «дать хорошенько». Потому что именно так он почувствует, что о нем помнят, что он важен, что его любят.

Обычно специалисты предупреждают семью, которая берет ребенка, пережившего насилие: «Учтите, он будет вас провоцировать, чтобы вы его побили». «Ну что вы, – говорят будущие приемные родители, – мы своих вырастили, никогда пальцем не тронули, как же можно бить ребенка, который столько пережил...». «Хорошо, если что – не стесняйтесь, звоните», – отвечают специалисты и ждут звонка. В подавляющем большинстве случаев дожидаются, и следует такой примерно монолог: «Я не узнаю себя! Ребенок достает так, что хочется его просто убить, размазать по стенке. У меня никогда такого не было!» – «А что именно он делает?». «Да вроде ничего особенного не делает, но мастерски, раз за разом бьет по самому больному, методично выводит из себя. Как только у него получается?». У него – получается. Жизнь в условиях постоянного напряжения невероятно обостряет способность считывать нюансы настроения взрослых. Через неделю общения ребенок с опытом жестокого обращения уже точно знает все ваши «больные мозоли» и постоянно на них наступает. Зачем? А затем, что только в те моменты, когда вы хотите «размазать его по стенке», он абсолютно уверен, что вы его видите, слышите, что он не один на свете. Жуткая, ненормальная логика – но это именно логика, а не бред.

Бывает, что ребенок начинает воспроизводить ситуацию насилия с позиции не жертвы, а насильника: отрывает куклам ноги и головы, жестоко обращается с животными (причем побои перемежаются с приступами нежности), обижает сверстников и младших детей, и даже на взрослых может набрасываться с кулаками, кусаться, пинать ногами. В такие моменты ребенок неосознанно старается овладеть ситуацией, занять позицию сильного. Справляться с таким поведением трудно, здесь очень важны твердость и спокойствие. Это самый подходящий момент, чтобы наконец переиграть страшную сказку на новый лад. Должен появиться «мудрый король» – родитель, педагог, который окажется сильнее монстра. Очень важно успеть сделать это, пока ребенок еще физически слабее взрослого, пока можно удержать его руку, обхватить, силой увести с места драки. В этот момент надо провести черту между ребенком и монстром внутри него, разъединить их и, осуждая агрессивное поведение, быть заодно с самим ребенком: «Что на тебя нашло? Давай отойдем и успокоимся. Умойся, и станет легче. Думаю, теперь тебе жаль, что ты не справился с собой и полез драться». Как бы он ни хорохорился, это именно то, что ему нужно: убедиться, что я сам – это одно, а монстр, ярость, злость, желание драться – другое, и это другое никого особо не пугает. С ним может справиться взрослый, а значит, смогу со временем и я.

Часто взрослые пытаются «давить на жалость», рассказывая, как жертве было больно и страшно. Это может иметь обратный эффект: ребенок-то лучше нас с вами знает, каково бывает жертве, и ваше предложение вновь прочувствовать это может заставить его снова провалиться в привычное отупение. Лучше сделать акцент на овладении собой, время для обучения состраданию еще не пришло. Но это не мешает научить ребенка просить проще-

ния. На первых порах лучше делать это вместе, вы должны обеспечивать поддержку и подсказывать нужные слова.

Такие же проявления могут быть у ребенка, который был не жертвой, а свидетелем насилия. Например, при нем жестоко избивали мать, братьев или сестер, было совершено убийство. Иногда в подобных случаях травма оказывается даже более глубокой, потому что когда преследуют тебя, ты можешь убежать, защищаться, прятаться, отбиваться, и в активном действии частично преодолевать ужас. Ребенок, вынужденный наблюдать мучения близких, может страдать от чувства вины, бессилия, отчаяния, и стоит больших трудов вернуть его в состояние душевного равновесия.

Должны пройти годы жизни в любви и заботе, пока ребенок, переживший жестокое обращение, сможет открыть для себя другой лик любви, любви без боли и страха, любви бережной, заботливой, надежной. Это очень трудно – решиться поверить в такую любовь. Непросто и взрослым, которые оказываются рядом, ведь ребенок буквально вынуждает их обнаружить монстра в самих себе. Пытаясь справиться с собой, они часто уходят в другую комнату или вообще из дома, подкрепляя в душе ребенка связь: или бьет – и не бросает, или не бьет – и оставляет меня. Я обычно советую в таких ситуациях прямо говорить ребенку: «Я вижу, ты хочешь, чтобы я тебя ударил. Я и правда очень на тебя злюсь. Но я не бью детей, это мое правило. Я считаю, что драться плохо. Давай лучше сядем и поговорим».

Если обоих трясет, можно вдвоем поколотить подушку, постучать надувным молотком по дивану, да еще с громкими криками (учителя такой возможности, увы, лишены). Главное – каждый раз заменять негативное внимание на позитивное. Может быть, удивлять, обескураживать – вдруг в разгар ссоры обнять, прижать к себе или придумать смешное наказание – кто плохо вел себя за столом, кукарекает десять раз. Все это ломает патологическую связь «любовь-ненависть» и дает шанс сформироваться новой, позитивной картине мира.

Рухнувший мир: потеря родителей

Если ребенок оказался в приемной семье, значит, он лишился своей собственной. Возможно, его изъяли у родителей, которые не могли о нем заботиться, а может быть, его родные умерли. Так или иначе, он пережил и переживает потерю семьи, потерю родителей.

В нашей культуре принято недооценивать детское горе: «Маленький, что он понимает... Скоро забудет. Да вон он уже смеется». Если ребенок потерял родителей в первые годы жизни, кажется, что он вообще не осознает факта потери. Когда-то я была поражена мыслью, которую высказала детский психолог Мария Капилина: «Считается, что самое ужасное, что может произойти с человеком – это потеря ребенка. На самом деле потеря родителя для ребенка гораздо страшнее. Ведь даже самый любимый ребенок – это только часть нашей жизни, а родитель для маленького ребенка – весь его мир». При этом для ребенка лет до семи-восьми нет принципиальной разницы, умерли его родители или его у них забрали.

Детское горе внешне может выглядеть не так, как горе взрослого человека. Оно маскируется под вид «странностей» поведения, а порой под гиперпослушностью и «правильностью». Вспомним замечательный фильм «Мачеха», где героиня Татьяна Дорониной помогает приемной дочери Свете пережить смерть родной матери. Дорониная играет женщину невероятной душевной чуткости, которая если и не понимает, то чувствует, что происходит с ребенком, и действует очень точно и правильно. Но всем остальным, включая родного отца, Света кажется просто «ненормальной», «неблагодарной». Если бы девочка часами рыдала над портретом матери, показывая, что она горюет, ее бы поняли и пожалели. Но она сдержанна, послушна, просто все время молчит и ничему не радуется. Она избегает сверстников, развлечений, зато охотно помогает ухаживать за малышкой, делает что-то по дому. Ни о чем не просит, ни на что не жалуется, старается остаться одна, часами что-то перебирает в своей сумочке. Только покушение на фотографию матери вызывает у Светы взрыв чувств. Проходит год, прежде чем ребенок начинает проявлять к чему-то интерес, открывается для новых привязанностей. Не знаю, кто консультировал создателей фильма, но картина детского горя в нем показана очень точно.

Посмотрим на происходящее глазами ребенка. Света жила вдвоем с мамой очень замкнуто, других близких людей у нее не было. Мама умирает внезапно, ничего не объяснив, не подготовив дочь к тому, что будет потом. Свете хотелось остаться в своем доме, рядом с хорошо знакомыми соседями, но приезжают чужие люди и ее увозят в другое место, в многолюдный, шумный дом, с маленькими детьми, полный незнакомых людей. Они чего-то от нее хотят, теребят ее, предлагают померить какие-то вещи, суют в руки игрушки, говорят что-то бодрими голосами, спрашивают, нравится ли ей... А ребенок пребывает в состоянии шока. Мир рухнул. Света лишилась сразу и мамы, и дома, и привычных вещей, и образа жизни, и окружения. Не в состоянии сопротивляться, не в силах ни о чем просить, она как бы внутренне «замирает». Пытаясь сохранить что-то неизменным – хотя бы внутри себя, она обрубает внешние контакты: отвечает односложно, не смотрит в глаза, никогда не начинает разговор первой, старается забиться в угол, сидеть неподвижно, стать как можно более незаметной.

Когда человек переживает потерю, его мир необратимо меняется, все приходит в состояние хаоса. Нужно время, чтобы восстановить свой мир, что-то заменить, что-то отстроить заново, что-то расставить по местам. Это и есть процесс горевания. Горе – это не просто чувство, горе – это большая работа. Она требует всех душевных сил человека. Не случайно во многих культурах траур обязательно содержит в себе отказ от повседневных обязанностей, от излишнего общения, предусматривает возможность отрешиться от всего и сосредоточиться на своем переживании. У нас же принято горюющего человека отвлекать, тере-

бить, всячески давая ему понять, чтобы он «поскорее заканчивал со всем этим». В результате работа горя остается недоделанной до конца, утрату не удастся полностью оплакать и осмыслить, и душевная боль мучит потом человека годами.

Ребенок, переживающий потерю, часто становится более замкнутым, молчаливым, в острых случаях даже наступает мутизм – полная потеря речи на нервной почве (этот сюжет довольно часто встречается в кино и в литературе, можно вспомнить фильм «Патриот» или книгу «Два капитана»). Сам ребенок может не осознавать связи своего состояния с потерей. Он часто жалуется, что ему скучно, но на предложение чем-нибудь заняться отвечает «неохота». Самым предпочитаемым обществом становятся для него маленькие дети (еще не умеющие говорить), очень старые люди, домашние животные. Их преимущества в том, что они «не пристают», но при этом избавляют от одиночества, с ними можно просто посидеть рядом, прикоснуться, поухаживать без риска вторжения в свой внутренний мир. В фильме Света готова часами качать в коляске младшую девочку, что вызывает кривотолки соседей.

Часто дети в состоянии горя подолгу выполняют однообразные действия – расставляют ряды игрушки, раскладывают по коробкам карандаши или пуговицы. Они охотно соглашаются на самую рутинную работу, например чистят картошку (это как раз делает Света в фильме). Еще одно излюбленное их занятие – натягивать повсюду веревки и нитки, обматывая ножки мебели, связывая между собой разные предметы. Таким образом они пытаются как бы «связать» оборванные нити своей жизни, помочь внутреннему процессу наведения порядка и преодоления хаоса.

Выходя постепенно из стадии шока, ребенок может столкнуться с новыми аспектами горя. Один из них – гнев. Взрослые тоже испытывают гнев после потери, злясь на врачей,

которые не сделали всего необходимого, на самих себя, что не предусмотрели, не спасли, на судьбу, на самого ушедшего – почему не был осторожен, почему не лечился, почему не подумал о нас. Ребенку признаться себе, что он злится на покинувшего его родителя, очень страшно. Это особенность детской психики – ребенок еще не осознает в полной мере границ между личностями и сознаниями разных людей. Малыш может зажмурить глаза с угрозой: «Я сейчас сделаю вам всем темно!». Ребенок постарше уверен, что, если он будет злиться на маму, она это сразу узнает, и тогда «уж точно не придет».

Поэтому самому ребенку его злость кажется немотивированной, безадресной. Он может ни с того ни с сего, на фоне ровного настроения, вдруг пнуть ногой игрушку, стул или ударить кулаком по чему придется (в детских домах знают, как часто приходится латать или менять тонкие фанерные двери – почему-то именно им достается больше всего). «Из-за чего ты злишься?» – «Я не злюсь, просто достало все» (или «Сам не знаю, накатило»). Кроме вспышек ярости, могут возникать дисфории – продолжительные периоды дискомфорта, раздражения непонятно на что и на все сразу. Ребенку может разонравиться привычная еда, его начинает раздражать («колоться», «душить», «натирать») одежда, мешают громкие звуки, сильные запахи.

Еще одна мучительная составляющая процесса переживания горя – ощущение вины. В этом отношении дети гораздо уязвимее взрослых именно из-за особенностей мышления, о которых только что шла речь. Для ребенка все, что происходит вокруг него, происходит **из-за него**. «Если мамы больше нет со мной – это из-за того, что я плохой. У хороших детей мамы не умирают». «Меня забрали у родителей, потому что я плохо себя вел. Если бы я слушался, папе не надо было бы меня бить и к нам не пришла бы милиция». «Если бы я не попросил у соседей поест, никто не узнал бы, что мама пьет, и меня не забрали бы». Вывод из всех этих ситуаций ребенок делает один: «Теперь маме (папе) плохо, они там одни, без еды (в милиции, в больнице), их обижают, а я тут в хороших условиях, конфеты ем. Я настоящий предатель». Это особенно сильно переживают дети, которые с малых лет выполняли опекающие, родительские функции и считают себя в ответе за взрослых.

Ребенок, ставший жертвой насилия со стороны собственных родителей, оказывается в самом сложном положении. Он злится на них – не может не злиться, ведь из-за них он испытал боль и страх. Но сразу вслед за волной злости приходит мучительная волна вины и ужаса, что теперь они потеряны навсегда – из-за него. В результате ребенок приходит в состояние крайнего стресса, у него появляются признаки аутоагрессии – гнева, направленного на самого себя. Он может до крови щипать и царапать себя, под корень сгрызть ногти, вырывать у себя волосы или «нечаянно» каждый день получать ушибы, ожоги, порезы; подростки могут всерьез думать о самоубийстве. Такие дети нуждаются в длительной реабилитации и в профессиональной психологической помощи, но даже после нее последствия травмы долго дают о себе знать.

Приступы гнева могут чередоваться с периодами «правильности», почти пугающей послушности. Ребенок вдруг начинает аккуратно складывать свои вещи, сам садится делать уроки, вызывается помочь по дому и т. д. Он словно надеется магическим образом «все исправить», стать «хорошим ребенком, у которого все хорошо». Кстати, из-за этого сотрудники детского дома не предупреждают приемных родителей о том, что ребенок «трудный». Просто в детском доме он вел себя тише воды, ниже травы, надеясь таким образом «все вернуть, как было». И только устройство в новую семью окончательно рушит эту его надежду, тут и проявляются все трудности в поведении, многократно усиленные стрессом.

Другой вариант «магического поведения» – ребенок намеренно делает свое положение как можно более ужасным. Он или чудовищно ведет себя, навлекая на свою голову все возможные кары, или тяжело заболевает (разом всеми хроническими заболеваниями, которые у него когда-либо были, присоединив к ним пару новых). Почему? Да потому что ребенком

родители занимались в двух случаях: когда он очень плохо себя вел и его надо было наказать, или сильно болел. Воспроизводя эти ситуации, ребенок надеется, что мама (папа) «поймет, что все совсем плохо, и наконец придет». Потому что, с точки зрения ребенка, родитель всемогущ и, если он не появляется, то не потому, что не может, а потому, что не считает нужным.

Работа горя обычно завершается стадией нервного истощения. На предшествующие переживания потрачено так много сил, что все чувства притупляются, ребенок прекращает попытки тем или иным способом вернуть утраченное. Он становится апатичен, вял, у него ни на что нет сил, явно снижаются способности к учебе, у него просто нет энергии, чтобы сосредоточиться, почувствовать интерес, постараться. Может наступить регрессия, то есть возврат в более младший возраст. Как будто ребенок разучился делать то, что давно умел – аккуратно одеваться, самостоятельно есть, решать задачи. Его игры становятся очень примитивными, он легко сдается при малейшем затруднении, не может довести до конца начатое дело. Он предпочитает мрачные тона в рисунках, в одежде, его лицо словно теряет мимику.

При этом дети обладают невероятным запасом жизненных сил и способностью к адаптации, поэтому их горе не длится непрерывно, как у взрослых. Периоды горевания сменяются просветами, когда ребенок как ни в чем ни бывало веселится, играет, смотрит любимые мультики. Дети словно делают перерывы в работе горя, справляясь с ним «по кусочкам». Именно это дает повод взрослым сделать вывод о том, что «он уже все забыл». Но переживание горя после небольшой передышки вновь возвращается, порой в новом обличье, в новой «маске»: послушания или протеста, болезни или скуки.

Вспомним еще раз фильм «Мачеха». Героиня Дорониной чутьем выбирала правильную тактику помощи ребенку. Она старалась не приставать, но быть рядом. Она привлекла Свету к возне с малышкой и к простым домашним делам. Она открыто признала ее право горевать по матери, защитила от посягательства на ее память, помогла восстановить и увеличить портрет мамы. Она создавала для ребенка покой и уют, ни на чем не настаивая, просто предлагая небольшие радости: куклу, карандаши. Она исподволь давала понять, что жизнь не кончена, что у девочки есть отец, есть новая семья, будут друзья, будущее. Конечно, «мачехе» было нелегко. Если бы у нее была возможность проконсультироваться с психологом, он ей посоветовал бы взять из Светиного дома побольше вещей, связанных с матерью, попросить прежних соседей иногда писать письма девочке, уделять больше внимания своему сыну, не ждать от девочки обращения «мама», а главное – не сомневаться в Светиной «нормальности», не переживать так сильно, а просто помогать ей и терпеливо ждать, когда девочка справится с горем. Но все и так хорошо закончилось. Ребенку, потерявшему семью, от окружающих нужны прежде всего забота, терпение и ровная поддержка.

В среднем переживание горя длится от полугода до двух лет. Именно столько времени обычно уходит на улаживание формальностей с определением статуса ребенка, лишением родительских прав, на подбор новой семьи. То есть очень часто ребенок попадает в приемную семью и в новую школу как раз на одной из стадий переживания горя. Новая семья призвана помочь ему справиться с утратой, патронатных воспитателей этому даже обучают на специальных тренингах. Не случайно наши английские коллеги даже называют патронатных (у них – фостеровских) воспитателей «специалистами по потере». Но усилия семьи могут быть сведены на нет неумными, а порой и враждебными действиями окружающих (как это едва не произошло и в фильме). Важно, чтобы все причастные к судьбе ребенка люди понимали: многие особенности его поведения и, прежде всего, снижение желаний и способности учиться, объясняются именно переживанием потери. Так что прежде чем делать выводы о его «необучаемости», «неуправляемости», «ненормальности», следует учитывать обстоятельства его жизни.

Казенный дом: институциональное воспитание

Оставили ли ребенка в роддоме, умерли ли его родители, изъяли ли его из семьи, чтобы спасти от пренебрежения и жестокого обращения, но в итоге он оказывается в учреждении для детей-сирот: приюте, интернате, доме ребенка, детском доме. К сожалению, в России нет пока развитой системы устройства детей в замещающие семьи. А значит, не месяцы, а годы, а то и все детство ребенку предстоит провести в казенном доме. То есть стать «детдомовцем».

К сожалению, это обрекает его не только на не очень счастливое детство. Выпускнику детского дома непросто найти себя в жизни, создать благополучную семью. Кто-то из них попадает в тюрьму, кто-то начинает пить, и в результате их дети, в свою очередь, тоже оказываются в детдоме. Почему так происходит? Не торопитесь с ответом про «порочные гены» и про «яблочко от яблони». Давайте попробуем посмотреть на ситуацию глазами воспитанника детского дома.

Много лет он проводит в казенном учреждении. С одной стороны, он чувствует себя обделенным по сравнению со своими благополучными семейными сверстниками. У него хуже игрушки, еда, одежда, у него нет своей комнаты, нет дома, а главное – нет родителей. С другой стороны, он обеспечен всем необходимым, причем все это появляется как будто само собой: еда в столовой, чистое белье в спальне, новое оконное стекло взамен разбитого. Откуда все это берется, что нужно сделать, чтобы оно появилось, ребенок не видит и не знает. Специальными инструкциями запрещено привлекать воспитанников к приготовлению пищи, к уборке санузлов, к стирке белья и т. п. Ребенок не имеет возможности отвечать за кого-то слабого, например за младшего брата или котенка.

Время от времени в учреждение приезжают люди, которые выгружают из машин подарки и сладости, устраивают развлечения. Детей приглашают на торжества и праздники, где их опять одаривают и угощают. В результате ребенок нередко приходит к выводу: «Я сирота, и поэтому мне все должны». Приходилось видеть, как дети брезгливо рассматривали подаренные шефами мобильники: «Это отстой, старая модель». Конечно, не везде дело обстоит так, до сих пор есть в глубинке забытые всеми детдома и особенно интернаты для детей-инвалидов, где нет элементарных вещей. Но, как ни парадоксально, вывод их воспитанники, скорее всего, сделают тот же: «У меня в детстве ничего не было, поэтому все мне задолжали». Годами копится обида на жизнь, на судьбу, растет ревность и зависть к более благополучным людям, которые легко перерастают в агрессию.

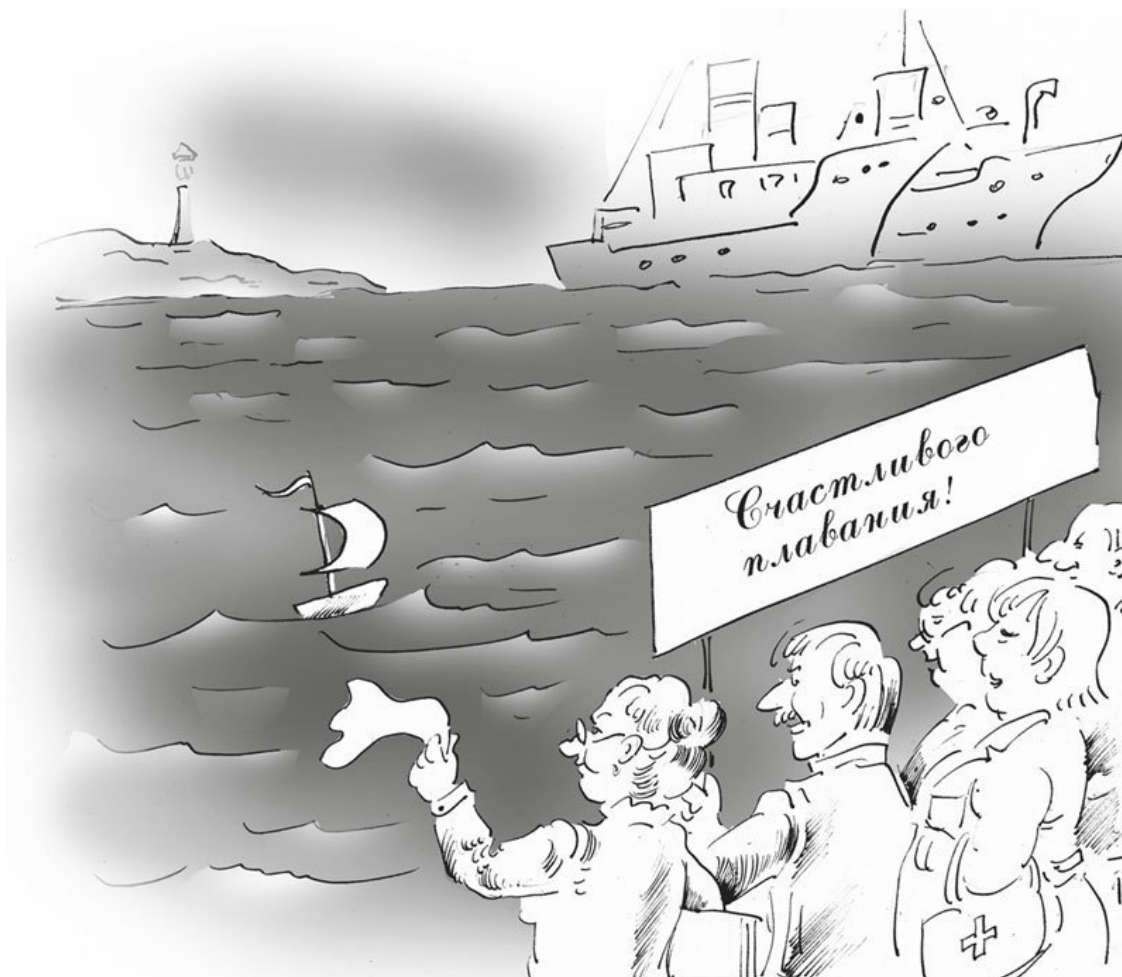
Далее. Все в детском доме распределяется поровну, по нормам. У такого ребенка нет возможности, как у домашнего, наесться конфет именно сегодня, потому что как-то грустно. Ему дают конфету, но одну в день. А в детстве иногда так сильно чего-то хочется, и именно сейчас! Очень хочется розовую тетрадку, а дали зеленую. Хочется необычную, модную майку, а дали какую-нибудь. Как ребенку добыть желаемое? Либо выпросить, либо отнять, либо украсть. Не потому, что ребенок плохой, а потому, что по-другому его индивидуальные желания удовлетворены быть не могут. Нет в мире человека, который помнит, что он не любит пряники, а любит печенье, или что ему не идет красный цвет, а от шерсти все тело чешется – всех тех мелочей, которые знают о своих детях родители и которые есть важная составляющая семейной заботы.

В учреждении ребенок постоянно живет в группе (иногда хочется сказать – в «стае») сверстников. Взрослые приходят и уходят, а настоящая его «семья» – это ребята из одной группы. В результате ребенок не имеет возможности освоить роль... ребенка. При нормальном детстве роль ребенка в семье состоит в том, чтобы слушаться старших, обращаться к ним за помощью, помогать им, подлизываться, кланяться конфеты, препираться, оправдываться, ждаться поцелуя перед сном и т. д. В семье на своем опыте ребенок узнает, что ему как

ребенку делать и говорить полагается, а что – нет. Он принимает на себя эту роль со всеми ее плюсами и минусами: тобой командуют – но тебя и защищают, тебе запрещают что-то – но зато и балуют, тебя считают порой глупым и маленьким – на зато объясняют что-то и учат полезным вещам. Причем это роль не абстрактного ребенка, а ребенка именно этой семьи. Потому что в одной семье детей считают «безобразниками» – и тут уж изволь хоть иногда хулиганить, в другой от них ждут забавных слов и поступков – и дети стараются соответствовать, в третьей ребенок – непременно вундеркинд (и ему не позавидуешь). У детей из детского дома нет возможности научиться быть ребенком. Именно поэтому им зачастую так тяжело дается период адаптации в семье. Вроде бы все хорошо, и родители новые любят, и в школе неплохо, но – усталость невероятная, стресс постоянный. Потому что приходится ускоренными темпами осваивать сложную, незнакомую роль ребенка этой семьи.

На этом проблемы казенного (его еще называют институциональным) воспитания не заканчиваются. Ребенок растет в искусственной среде. Он общается только в узком кругу сверстников, которые обычно еще и его одноклассники. У него нет соседей по подъезду, детей родительских друзей, приятелей по спортивной секции. Он проводит детство в обществе таких же, как он сам. Он не знает элементарных вещей: как самому приготовить еду, где покупать одежду и как за ней ухаживать. И уж тем более не знает, как растить и воспитывать детей. Ребенок не имеет возможности сходить в магазин, купить что-то, получить сдачу. У него вообще нет карманных денег. Он не знаком с такими понятиями, как «не хватает до зарплаты», «отложить на отпуск», «взять кредит», «заплатить за квартиру». Он не пользуется общественным транспортом (иначе как в группе детей, сопровождаемых воспитателем), не ориентируется в городе. Да перечислить невозможно все, чего он не знает, не умеет, не видел, не пробовал⁴.

⁴ Сейчас во многих «продвинутых» детских домах действуют программы социализации. Для ребят оборудуют кухни, их учат готовить, ходить в магазин за продуктами, привлекают к оформлению комнат. Это очень хорошо и важно, но сплошь и рядом эти программы не содержат главного компонента – ответственности. Такой, как в жизни: поленился сходить в магазин – сиди голодный, не мыл пол неделю – противно ноги с кровати опускать. Этого детское учреждение допустить не может, а значит, получается «социализация понарошку», она учит каким-то отдельным навыкам, но жизни по-прежнему не учит.

И вот с багажом всех этих «не» ему предстоит в 18 лет начать самостоятельную жизнь. Когда он покидает детский дом, правила игры вдруг резко меняются на противоположные: только что все в жизни происходило само собой, без его участия, и вдруг – вот тебе выходное пособие и справляйся сам, как хочешь. Никто ничего тебе не должен и помощи ждать неоткуда.

При этом у детдомовских невелики шансы получить хорошее образование и профессию – ребенок, которому не для кого стараться, некого радовать своими успехами, учиться обычно не хочет. Да и способность к обучению часто оказывается снижена из-за пережитого, о чем мы говорили выше. А кто захочет учиться, если чувствует себя несчастным и хуже других? Едва ли не главная причина всех неудач детей из детских домов – низкая самооценка, которая обесиливает, заставляет опускать руки и идти по пути наименьшего сопротивления. Любое препятствие воспринимается ими как непреодолимая преграда, вызывает раздражение и отчаяние, а не желание мобилизоваться, собраться, постараться, добиться своего.

К сожалению, и от жестокого обращения ребенок в казенном доме не застрахован. В детских домах порой дедовщина не меньше, чем в армии. Старшие заставляют младших подчиняться, а возражи – избьют. Воспитателям это удобно, таким образом они поддерживают дисциплину. Встречаются и ужасные случаи насилия со стороны персонала, о их частоте достоверных данных нет. Впрочем, «воспитательные меры» вроде затыкания рта тряпкой или выставления босиком на холодный кафель, «чтоб не бесились», кое-где и за насилие-то не считаются. Учреждения закрытые, дети слишком зависимы от своих педагогов, чтобы рассказывать об этом, а главное – просто считают это нормой, потому что другого обращения не видели.

А теперь представим себе детей (даже с самыми лучшими генами), которые годами растут в таких условиях. Сколько из них смогут потом нормально жить? Привычка принадлежать стае, безоговорочно подчиняться сильным и слушаться старших, обида на «благополучный» мир делают выпускников детских домов легкой добычей криминальных структур. И дети охотно на это идут, потому что там их все-таки защищают, там они нужны.

Одиночество, неутоленная потребность в любви и ласке заставляют их рано вступать в брак и рожать детей – так хочется, чтобы у них наконец была семья, близкие люди. Выпускники детских домов искренне верят, что у них в семье все будет хорошо, они-то своих детей не бросят. Но опыта и умения строить семейную жизнь и налаживать быт у них нет, как ухаживать за ребенком – непонятно, бабушек и тетушек нет, и в итоге такие семьи быстро разваливаются. Результат – их дети также попадают в детдом.

Чувство вины, неуверенность в себе вызывают отчаяние, которое мешает им пробиваться в жизни, достигать своих целей. Выпить и забыться – гораздо легче. Из таких случаев и складывается невеселая статистика. Наследственность тут ни при чем. Просто ребенок из детского дома – сплошная «ахиллесова пята». Весь – от макушки до собственно пят.

Так что если к вам в класс пришел приемный ребенок, то главное событие в его судьбе уже свершилось. Он теперь в семье, и у него есть хорошие шансы наверстать упущенное, восстановиться, выровняться. Но годы, проведенные в казенном доме, еще долго будут давать о себе знать. И бедным словарным запасом, и особыми, зажатыми, угловатыми движениями, и рыданиями над тетрадками, и эпизодами с присвоением чужого, и попаданием в «плохие компании». Печать несчастья, неблагополучия еще долго будет лежать на таком ребенке. Эту печать «считывают» и дети, и взрослые. Одноклассники порой не хотят с ним дружить и сидеть за одной партой, родители других учеников недовольны, да и учителю хочется посадить его подальше, на заднюю парту, чтобы не маячил перед глазами. Да ему и не привыкать там, в резервации. Он не такой, как все, с ним все «не слава Богу» – кто бы сомневался! Ничего, после уроков он пойдет к «пацанам» во двор, там он среди своих...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.